

К юбилею
Великой
Победы

60

Встречая на улице этого пожилого человека, в меру самостоятельного для своего возраста, коренастого, с суровым взглядом из-под густых широких бровей, отмечаешь в нем в прошлом крепкую мужскую силу, но и немало пережившего на своем долгом жизненном пути. И я был несколько удивлен, когда узнал, что жителю ст. Татаурово Воротникову Николаю Иннокентьевичу исполнилось 84 года. Несмотря на свой преклонный возраст, он самостоятельно ухаживает за собой и делает необходимую по дому работу. И если бы не знал, то бы и не подумал, что он прошел страшное испытание пленом. И не его это вина, а беда. Он выжил в этом аду, т.к. был молод и хотел жить. Он вернулся домой, но до сих пор считает, что все это было не с ним, что это только страшный сон, который навсегда остался в его памяти...

«И вина эта неузнанная и не забытая,
как собственная тень все следовала за ними
и не старая, перешла из юности в зрелые,
а потом и в пожилые годы».
Б. Ямпольский.

Он прошёл плен и концлагерь

Мы СИДИМ с Николаем Иннокентьевичем в его доме, построенном собственными руками в 1960 году. Вместе вспоминали, вспоминал его сына Степана, безвременного ушедшего из жизни. А ветеран начинает свое жизненное повествование:

Родился я 9 марта 1921 года, в селе Аньур Батуринского сельского Совета, Кабанского района. Нас в семье было 4 брата и сестра, в семье я был самым младшим. Закончив 7 классов, в 1937 году поступил в Улан-Удэнское училище ПВЗ на специальность формовщика-литейщика по сталеному литью. Закончив его, я решил вернуться в родное село, где работал в лесоперерабатывающей промышленности десятилетиями. В 1939 году мне исполнилось 17 лет, и меня приняли в колхоз «Красный партизан», где председателем в тот период был Папкин Николай Афанасьевич. В колхозе познал тяжелый крестьянский труд.

В 1940 году был призван в ряды Красной Армии, службу начинал во Владивостоке, в 78-й стрелковой дивизии артиллерийским связистом-разведчиком. Недалго до начала войны нашу дивизию передислоцировали в г. Хабаровск в летние лагеря, где мы усиленно занимались боевой подготовкой. В мае месяце дивизия выехала на учения в г. Яман. После возвращения нам сообщили, что началась война с Германией, и мы вновь пешим маршем вернулись в г. Яман, где нас обеспечили всем необходимым для ведения боевых действий, и срочно погрузили в эшелоны.

Была поздняя осень, наши эшелоны практически нигде не останавливались, везде нам был зеленый свет, останавливались только на крупных узловых станциях. Чем ближе подъезжали к Москве, тем чаще встречались шедшие навстречу эшелоны с ранеными, с оборудованием фабрик и заводов. Москва эвакуировалась. Настроение у всех было тревожное. Разгрузили нашу дивизию в районе города Истра, который мы сразу начали оборонять вступив с немцами в бой.

На мой вопрос, кто был командиром их дивизии, Николай Иннокентьевич ответил, что не помнит, но хорошо помнит начальника артиллерии дивизии — майора Погорелова.

Во время обороны города мы пытались контратаковать, но силы были неравные. У нашей пехоты — винтовки, бутылки с за-

жигательной смесью, гранаты, артиллерия на конной тяге. Немцы же нас бомбили с воздуха, обстреливали с артиллерийских позиций, потом на нас шли танки с мотопехотой. Я находился в штабной батарее начальника управления артиллерии в должности связиста-разведчика. Постоянно приходилось устранять поврежденную связь: где бегом, где ползком. В один из таких моментов меня контузило, засыпало землей от взрывной волны. Откопали свои, долго белела голова, пропал слух.

Удержать Истру мы не смогли. Стали отступать, отступали организованно на заранее подготовленные позиции. В это время я был эздозым, т.е. последствием контузии давали о себе знать.

Однажды я вез штабную документацию, в лесу моя повозка правым колесом попала на противопехотную мину — куски лошади повисли на дереве, а я чудом остался жив. Отступали мы почти до Москвы, — рассказывал Николай Иннокентьевич скупно и сдержанно...

Потом я решил обратиться к мемуарам боевых действий под Москвой, из которых узнал, что 78-й мотострелковой дивизии командовал полковник А.П. Белобородов, впоследствии генерал армии, дважды Герой Советского Союза. Упомянул я и начальника артиллерии майора Погорелова, который погиб под Москвой во время авиабомбежки. Эта дивизия была сформирована в основном из сибиряков и дальневосточников, и была костью в горле для моторизованной дивизии СС «Рейх» и 10-й танковой дивизии.

Дивизия СС «Рейх» была оборонным войском гвардии фюрера. Ее солдаты дрались, как правило, упорно, избегали сдаваться в плен. Возможно, потому что каждый второй из них начинал службу в охране концлагерей и слово «плен» для них ассоциировалось с газовыми душаубками и печами крематория. Они реально в Москве по главному направлению — по Волоколамскому шоссе.

Положение было критическим и присутствие на этом направлении 78-й мотострелковой дивизии сдерживало немцев и давало возможность ставке главнокомандующего собрать возле Москвы резервный кулак. Командующий 4-й немецкой танковой группой генерал-полковник Хеллер упоминает в своем отчете: «Уже в первые дни наступления

завязываются жестокие бои, особенно упорные в полосу дивизии СС «Рейх». Ей противостоит 78-я Сибирская стрелковая дивизия, которая не оставляет без боя ни одной деревни, ни одной рощи...» — и далее: «...Потери наступающих очень велики, командир дивизии СС тяжело ранен. Рядом встают кресты над могилами танкистов, пехотинцев и солдат войск СС». (Центральный архив Мин. обороны ф. 233).

Николай Иннокентьевич продолжал свой рассказ:

Пехоту почти всю выбили, да и артиллеристов погибло много. Глубоко вздыхает, на глазах появляется мужская скупая слеза. Ходили в рукопашную с примитивными штыками. Под Москвой нам зачитали приказ о присвоении нашей дивизии звания 9-й Гвардейской дивизии, которая входила в состав 16-й Армии под командованием маршала К.К. Рокоссовского. Нам была поставлена задача взять Истру.

Под Москвой нашу дивизию доукомплектовали, придали дополнительные части. Я был уже орудийным номером 159 легкого артполка, и мы пошли в наступление. Бои были упорными, населенные пункты переходили из рук в руки по несколько раз. Мы отеснили немцев и захватили Истру. После этого наша дивизия была направлена на Вяземское направление, где вели упорные бои, бои без отдыха. И только весной нас отвели на отдых в г. Кондрово, после 6 месяцев упорных боёв.

9-я Гвардейская дивизия в боях под Москвой сменяла себя бессмертной славой и массовым героизмом. Об этом писали в своих мемуарах-воспоминаниях маршал Жуков, маршал Рокоссовский, а также другие военачальники, об этом говорили простые москвичи. Бойцов 7-й, 10-й и 9-й Гвардейской дивизии, совершавших разультурные рейсы в столицу, на любом предприятии, в учреждении встречали с радостью и надеждой. «Сибиряки поможут побить фашистов», — говорили москвичи. И действительно, сибиряки сдержали натиск врага под Москвой, а потом и познали его от Москвы. И одним из защитников Москвы был наш земляк Воротников Николай Иннокентьевич.

В городе Кондрово наша дивизия получила пополнение, большинство из которого не имело пороха. И снова учила боевому мастерству Училища недалго,

и вновь нашу дивизию погрузили в эшелоны — уже на харьковское направление. Как помню, погрузили нас на ст. Двуречная. Немцы наступали, а мы отступали, избегая от наседавших врагов. Слы были неравные, немцы превосходили нас и в технике, и в численности солдат. Выходили из одного окружения, попадали в другое. Здесь я уже служил в 5-ой Гвардейской минометной дивизии орудийным номером, дались в окружении и выходили, кто как мог.

Голодные, без боеприпасов и патронов, мы пытались выйти к своим, но наткну-

лись на немцев, которые были повсюду. Так я попал в плен.

Сигнали нас под ст. Миллерово в три больших котлована, которые были по периметру обнесены тремя рядами колец проволоки под электрическим током, через каждые 50 м стояли часовые с оочарками. Находилось нас в этих ямах около 70 тыс. человек. Слабых и раненых расстреливали на месте, трупы куда-то уносили. Кормили нас один раз в двое суток баландой. Сколько я находился там, не помню. Помню лишь, что мы были настолько истощены, что не могли даже сделать лишнее движение, берегли силы — иначе могли расстрелять. Стали заедать вши. Потом нас этапировали в Днепропетровск, где содержали в бывшей тюрьме. Через месяц загнали в эшелоны и отправили в Польшу, в бывшие русские казармы, где находился концлагерь. Находились мы там недолго, снова — в эшелоны и в Германию, в пересыльный лагерь. До сих пор помню свой номер — 10507, рабочий номер 775.

В пересыльном лагере мы не работали, а только содержались, кормили один раз в день баландой. С пересылки этапировали в г. Бохун, недалеко от г. Дортмунд, там давали 200 г эрцац-хлеба и баланду. Силы уже покидали меня, весил я около 33 кг, ходил, держась за стены, кружилась голова.

В один из дней в концлагерь пришли переводчик и гражданский немец по имени Адольф с целью подобрать для работы на пухинской фабрике 70 заключенных. Я попросился через переводчика на работу, но он ответил, что не возьмет, т.к. я едва стою на ногах. Но я его, наверное, так просил, что потом он из чувства сострадания согласился взять меня.

Фабрика находилась через дорогу от концлагеря там же находилось и депо. Привели нас на фабрику и поставили подвозчика и материала. Вывели нас из концлагеря ранним утром, уводили с работы в 18 часов. Дали мне одностороннюю тачку, и я должен был подвозить заготовки к трем столам. Кормили нас там 2 раза, давали больше хлеба и баланды была поугуе.

С первой тачкой я не справился, уронил заготовки, детали, и упал сам. Подумал, что все отправят в концлагерь, в крематорий. Однако работники фабрики пригласили поужать в столовой. Рабочие были из гражданского населения и многие жалели нас. То кусок хлеба дадут, то яйцо, то еще что-нибудь.

В один из налетов английских бомбардировщиков нашу фабрику

ПРИСАЖКАЕВ

и разбомбили, меня опять контузило, из под обломков вытащили меня немцы и направили в лагерь концлагеря. Пролетал там 20 дней голова была разбита, в груди все было отбито. Спасибо врачу лазарета, армянину по национальности, он переливал мне кровь, давал таблетки, подкармливал тайком от немцев. А сколько из лазарета военнопленных было отправлено в крематорий! После лазарета — снова в лагерь. Вскоре англичане пошли в наступление. На их пути стояла только армия Власова, которая без боя отступила. Охрана концлагеря разбежалась, подошли и американские войска. Нас, всех военнопленных — французов, голландцев, бельгийцев, русских и др. — собрали в один лагерь в г. Дортмунд. Командовали лагерем американцы. На воротах лагеря висело 13 флагов, по числу содержащихся граждан государств. Первыми освободили французов, попавших в плен еще в 1939 году, потом других.

Кормили и обращались с нами американцы хорошо. Нам передали советским войскам последние дни, уже после окончания войны, в июле. В лагерь пришли представители наших войск, построили нас, отдали команду: «Военнопленные, шаг вперед! Гражданские — сомкните ряды!» После чего построили, погрузили в эшелоны и отправили на Родину. Здесь впервые увидел на военных новы знаки различия — погоны.

А нас стали вызывать на допросы, проводить проверку. После проверки был направлен служить в 525 артиллерийский полк, и служил в Германии до июня 1946 года, после чего был демобилизован, вернулся домой.

В 1947 году переехал на постоянное место жительства в Татаурово. Работал в колхозе «1 мая» пастухом, конюхом. Последние 17 лет отработал учетчиком полеводско-тракторной бригады, на пенсию ушел в 1981 году.

Николай Иннокентьевич немного помолчал, а потом сказал: «Я мало кому рассказывал, как к нам, бывшим пленным, после войны относились... Сам, наверное, знаешь. Оправдываться не хотел, вызывали в НКВД, допрашивали. Просто сейчас, под старость, решил тебе рассказать, что я пережил. В плен я не сдавался, я попал в плен, как и многие другие, находясь в окружении. А награды в первые месяцы войны мало кому давали, не до этого было. Имею медаль «За оборону Москвы» и медаль «За победу над Германией».

Вот и вся солдатская правда, рассказанная рядовым Великой Отечественной войны — нелакированная, а такая, какая была на самом деле.

А сегодня сказываются те годы... Николай Иннокентьевич болеет, болят ноги, ему необходимо автотранспорт, чтобы ездить в больницу. Сын по специальности шофер, но личного транспорта не имеет. Николай Иннокентьевич, как военнопленный, имеет право на денежную компенсацию, как лицо, подвергнутое нацистскому преследованию, но заниматься этими вопросами некогда. Я бы хотел, чтобы органы социальной защиты, райвоенкомат и другие заинтересованные ведомства в канун 60-летия Победы с пониманием отнеслись к проблемам ветерана. Пока солдат еще жив!

Е. АНТОНОВ,
полковник милиции
в отставке.